

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

НЕБЕСНЫЕ
СЛОВА

Зинаида Гиппиус

Небесные слова

«Public Domain»

1902

Гиппиус З. Н.

Небесные слова / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1902

«О небесах всегда говорили много пустяков. Поэты описывали их приятный вид, астрономы занимались вычислениями, – каждая звезда у них под номером; обыкновенные люди глядят на небо, когда боятся, что пойдет дождь, а все вообще убеждены, что между человеческими делами и небом очень мало связи. Люди религиозные, впрочем, этого не скажут; но они смотрят на небо, как на задернутую голубую занавеску, которая сама по себе не важна, а только скрывает от них важное и с ними имеющее связь...»

© Гиппиус З. Н., 1902

© Public Domain, 1902

Содержание

I. Вверх	5
II. Крыса	6
III. Тетрадь	8
IV. Свобода	9
V. Моя жена	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Зинаида Гиппиус

Небесные слова

І. Вверх

О небесах всегда говорили много пустяков. Поэты описывали их приятный вид, астрономы занимались вычислениями, – каждая звезда у них под номером; обыкновенные люди глядят на небо, когда боятся, что пойдет дождь, а все вообще убеждены, что между человеческими делами и небом очень мало связи. Люди религиозные, впрочем, этого не скажут; но они смотрят на небо, как на задернутую голубую занавеску, которая сама по себе не важна, а только скрывает от них важное и с ними имеющее связь.

О небесах, как о задернутой занавеске, не буду говорить. Небо для меня живо, точно живое человеческое лицо; и оно всегда со мною, принимая самое близкое участие во всех моих мыслях и делах. Лицо неба понятнее лица земли: люди землю почти никогда не видят истинною, нагою, а больше измененною же собственными руками; да и как иначе? Небеса же чисты и очень широки, а потому и выразительны.

Я расскажу несколько отрывочных случаев из моей жизни, и будет ясно, что небеса живут с нами, говорят с нами, только мы редко слушаем их слова.

Поэты в особенности невыносимы. У них аллегорические небеса, а я вовсе не хочу аллегорических небес. Поэт описывает грозу долго, подробно, только для того, чтобы прибавить: «В душе моей часто бывают такие же грозы...». Или говорят о солнце и сравнивают его с «солнцем любви». Доктора склонны думать, что грозы влияют на человеческий организм, на внешнего человека, самым понятным образом. И все это не то.

Мы заняты своими делами, мы в нерешительности, в сомнении, – и небо с нами, улыбается, хмурится, советует, объясняет, утешает, подсмеивается – нужно только понимать его слова.

Выучиться нетрудно при внимании; особенно, если имеешь некоторые способности и склонность смотреть вверх. Я знал одну старушку, которая во всех затруднительных случаях прибегала... даже не к Библии и не к Евангелию, а к часослову. Небо гораздо шире часослова, а притом эта книга всегда раскрыта на нужном месте.

II. Крыса

Я долго жил, совершенно не обращая внимания на небеса, – долго, должно быть, лет до десяти. Злился, когда с крыш текла вода, и прыгал козлом по саду, когда на песке лежали солнечные пятна, – а наверх как-то вовсе не глядел. Мы жили в деревне, в Малороссии, воспитывали меня свободно – вернее, вовсе не воспитывали, – я вечно был один, и очень был зол, упрям и туп.

Как-то раз, в воскресенье, после завтрака, я пошел к старому амбару ловить крысу, которую я там раньше заприметил. Старый амбар на задворках был единственным местом, куда мне запрещали ходить, а потому я вечно торчал у амбара.

Сегодня же это было особенно преступно, так как утром меня водили к обедне и надели мне голубую шелковую рубашку, которую, я знал, я непременно испорчу за амбаром. Рубашка, впрочем, мне нравилась, и я ее немного жалел, но делать было нечего.

У заброшенного амбара, серого с колонками, росла густая трава, почти в мой рост, кругом теснились строения, было очень уединенно, никто сюда не заходил. Я сел на корточки перед заранее намеченной дырой, под перекошенной галереей амбара, – вынул кусок измятого сыра, который стащил за столом, положил у дыры и стал ждать. Оружия у меня никакого не было, и я не знаю, как мог я надеяться поймать крысу и на что она мне, вообще, была нужна, – однако ждал и надеялся.

Я так долго ждал, что когда крыса пришла, – я совершенно обезумел и бросился на нее. Она с быстротой молнии помчалась наверх, на галерею. Я, кажется, вопя, – за ней, на гнилые доски, и ухватился за поперечную палку перил. Палка тотчас же переломилась, и я упал навзничь с порядочной высоты. Но падение только ошеломило меня, потому что я упал затылком на густую траву. Вместо крысы я держал в руках серый обломок перила. Тонкие зеленые нити колебались около меня, а прямо надо мною, только очень высоко, был кусок неба, голубой, как шелк моей рубашки. Я знал, что это – небо, но в первый раз как следует посмотрел на него, подумал о нем – и оно мне понравилось. Оно было, пожалуй, еще голубее моей рубашки и стояло надо мной так, как будто ничего не случилось. Однако оно видело, что я полетел, и мне стало стыдно. Но лежать и смотреть вверх все-таки было приятно, и я не двигался.

Главное, мне нравилось, что небо такое просторное и ничем не загромождено. Если б крыса там бегала, ей некуда было бы спрятаться, и я бы ее непременно поймал. А здесь выдумали эти амбары да норы... Хорошо тоже, что пустынно. И небо, хотя видело мое поражение, оставалось серьезным и не очень меня осуждало, так что я перестал стыдиться, и оно мне еще больше понравилось. Я взглянул на рубашку. Она порвалась на рукаве и казалась очень тусклой перед небом. Я полежал еще, потом бодро встал, оправился и опять взглянул наверх. Ну не поймал крысу, ну изорвал рубашку, а вот зато у меня теперь есть небо. Оно видело все – и ничего, осталось как было. Это хорошо, что оно теперь у меня есть.

Зачем оно мне нужно – я не знал; что мне с ним делать – тоже не знал, да, впрочем, я не знал, что делать и с крысой, которую хотел поймать. Но у меня было такое довольство, точно ко всем старым игрушкам, которые нисколько не надоели, – мне неожиданно подарили новую. У меня был амбар, сад, крысы, трава, я сам – словом, все, что внизу, – а теперь я открыл, что и вверху есть тоже хорошее, и оно тоже мое. Хотел бы я видеть, кто мог у меня отнять небо!

Кроме того – это было и таинственно: о небе никто не говорил, и никто не подозревал, что оно – мое; и я не хотел ничего говорить, да и как бы я сказал? Вот я даже теперь говорю, и для других непонятно, – а тогда я ни одного слова об этом не сумел бы сказать.

Вечером, читая «Отче наш», я остановился: «на небеси...» Что это тут о небе? У меня была нянька, злая, которую я не любил и втайне презирал. Однако я спросил ее, что говорится о небе. Она сухо объяснила мне, что Бог на небе.

Я промолчал, но это мне не понравилось. Мало, что ли, Богу места, что он поселяется именно на небе? Пусть бы в церкви... Да, я слышал, кто-то говорил, что Бог – везде. Ну, тогда мне все равно, пусть и на небе. Но небо – мое, совершенно так же, как сад, амбар и крысиная нора. Не больше, но и ни за что не меньше. Все, что на земле, амбар, трава – пусть Божье, я знаю, что это и мое; и все, что на небе, солнце, тучи длинные (я теперь вспомнил, что видел тучи длинные) – пусть Божье, если оно все-таки мое. Это ничему не мешает.

III. Тетрадь

Меня отправили в гимназию, в город. Стоял светлый, бессолнечный день. Небо расстилось надо мною ровное-ровное, все белое, как страницы новой тетради. Я нисколько не грустил, что уезжаю. Ну, будут другие дома, другие деревья, еще другие; мне не казалось, что я теряю эти. Дорога, по которой я поеду, соединяет без всякого перерыва этот кусок земли с другим; значит – оба мои. Совершенно так же, как небо накрывает без прорыва оба места, и все места, и все оно – мое. Я не могу видеть все на земле сразу, потому что я мал и у самой земли; а небо все могу сразу, потому что издали шире видно. А в сущности, ведь то же самое.

Теперь небо, хотя и приветливое, сочувственное – молчало, все белое и ровное. Я понял это так, что оно не желает меня развлекать. Я должен позаняться, поучиться, чему там в гимназии учат, а оно пока помолчит, подождет. Расстаться ведь все равно мы не можем. Когда понадобится – оно тут как тут. А поучиться тоже необходимо.

И я уехал очень веселый.

IV. Свобода

Пишу мои небесные воспоминания каждый вечер понемногу, как дневник. Тихо пишу и почти не надеюсь, что кто-нибудь прочтет и поймет, до какой степени близко нам небо, – родное, как земля.

Достойно замечания, однако, что почти все люди, вспоминая свои слова, долгое время забытые, – вспоминают место, где слова были произнесены. Иной раз и мысли, и чувства, диктовавшие слова, исчезли из памяти, а место помнится. И было ли в тот момент светло или темно. Так я помню всегда – небо. Если даже и не видел его, если был под потолком, я знал, какое оно, что говорит, – я о нем думал.

Иногда я его ненавидел, ссорился с ним, оно мне было противно; но не думать о нем не мог.

Мы шли, я и два товарища (я уж кончал университет) в белую ночь по набережной Невы. Чистое, жидкого зеленоватого цвета, небо покрывало нас. Ни одна облачная тень не нарушала его холодной ровности. Мы говорили о свободе и ужасно спорили. Особенно я залетал высоко. Границ, казалось, не было моим мечтаньям. Даже вспомнить не могу всего, что говорил. Товарищи, не слушая меня, так же, как и я их, тоже говорили и, кажется, совершенно то же самое.

И вдруг я остановился и замолчал, как будто меня толкнуло. Ужасно сложны были мои мечты о свободе и совершенно не имели пределов. А небо над нами ровно круглилось, просторное и везде одинаково светлое. За строениями не видно было линии соединения его с землей, но угадывалось, как эта зеленая чаша крепко и аккуратно впивается краями в землю, и как твердо замкнуты мы в этом круге. Я всегда любил нежную и ясную черту проникновения неба к земле, их поцелуй, их соединение. О какой свободе я говорю? Я знал и знаю, я чувствовал и чувствую, что я свободен в этом круге, и всякий может быть в нем свободен, как я, если полюбит обоих, и землю, и небо, одинаково, – как я люблю. Свободен в круге, – до заколдованной, непереходной черты. А другая свобода – какая? – столь невозможна, что даже и не нужна. И столь не нужна, что даже и хотеть ее никак нельзя, – невозможно.

Это была у меня не мысль, не знание и не чувство, не ощущение; это было то, что я называю сознанием: то есть чувство – со знанием, ощущение – с мыслью. И я замолчал и не говорил больше ни о какой свободе, а товарищи мои долго еще говорили, слушая каждый себя, и не заметили, что я умолк.

V. Моя жена

Облака – мысли неба. Так и по человеческому лицу часто проходят тени мыслей, и лицо меняется. Мне кажется, что я иногда умею читать мысли людей – и почти всегда умею читать мысли неба. И как изменяются черты человека, – изменяются и черты небесного лица: солнце сегодня другое, чем было вчера, и уже никогда не будет сегодняшним. И луны я не видал одинаковой. О звездах и говорить нечего. На солнце редко кто смотрит – да ведь и прямо в глаза человеку мы очень редко смотрим.

Кончая мою жизнь, я не знаю, поймут ли меня, но в молодости я был наивен и думал, что всем людям свойственно столько же смотреть вверх, сколько вниз.

Но, однако, прежде, чем небо меня покорило безвозвратно, случилось вот что: когда я в первый раз открыл, что люди живут помимо неба, не обращая на него внимания, и живут просто и даже недурно – я глубоко усомнился в себе. А если я не прав? Если все это я только себе выдумал, а небо – обыкновенный потолок, которому до нас нет дела? Отчего бы и мне не жить попросту, как все, глядя себе под ноги? Признаться, в ту пору жизни вечное вмешательство неба в мои дела стало мне просто стеснительно, утомило и рассердило меня. И вот я решил быть один, делать без свидетелей все, что мне хотелось, сам, без указок, без морали, а жить попросту, совершенно как все. Я решил забыть о небе навсегда, потому что ведь иначе от этого свидетеля и учителя нельзя было уйти.

В ту пору я только что кончил университет, служить не начинал и даже не знал, буду ли служить. Деньги у меня имелись, немного, но довольно для меня: отец, умирая (мать скончалась давно), оставил мне ту небольшую деревушку в Малороссии, где я вырос. Я писал стихи, мнил себя поэтом и мечтал посвятить жизнь литературе. Университет я, впрочем, кончил математиком.

Не надо забывать, что мне шел тогда лишь двадцать второй год.

Несмотря на такую крайнюю молодость, я решил жениться. И не то, чтобы у меня кто-нибудь был на примете; я просто решил жениться как можно ранее, прожить жизнь, как можно нормальнее, по Толстому. Такие намерения не очень вязались с моими стихами и мыслями о «борьбе на поприще поэта» – но в двадцать один год чего не свяжешь!

В Петербурге барышни были все какие-то неподходящие. Я поехал путешествовать по России, посмотреть, как люди живут, да, кстати, поискать и невесту.

В Киеве (к себе в деревню я так и не заехал) мне пришлось познакомиться с целым сонмом барышень, которые были совершенно не похожи на петербургских, а потому все до одной мне нравились, то есть казались подходящими женами.

Впрочем, скоро я остановил мое внимание на Верочке Бец и Анне Ловиной. Они были очень различны, и каждая хороша в своем роде. Верочка – живая, бойкая, если и не умная, то находчивая девушка, блондинка без золота – волосы точно пыльные, но красивые; Анна – смуглая, тихая, робкая, может быть, глупая, но милая, с длинной черной косой. Взгляд у нее был медленный, скользящий. Между этими двумя я никак не мог выбрать.

И вот я решился рассказать той и другой, отдельно, конечно, то, что я думал во дни «молодости» о небе, как оно со мной жило, как мне мешало и надоедало, пока, наконец, я не вздумал бросить все эти бредни и жить, как все. Впрочем, о том, к чему я пришел, я не хотел говорить, а только рассказать факты и узнать, не расположена ли которая-нибудь из них к небесной болезни. Этого именно я и боялся и не хотел. Я смутно чувствовал, сквозь юношескую удаль, что и сам не вполне вылечился – если только это болезнь.

В первый же вечер, когда мы целой компанией гуляли в парке над Днепром, я постарался остаться наедине с которой-нибудь, с Анной или Верочкой. Вышло с Анной.

Мы сидели на скамейке у реки, над нами было черно-синее, летнее небо и различные узоры из довольно больших звезд. Сам я отводил глаза, боясь, чтобы небо не заговорило со мною против воли, и я не стал бы его слушать, а ей сказал:

– Посмотрите. Видите – небо?

– Да, – ответила она робко.

Мой первый вопрос прозвучал довольно глупо; меня даже укололо, что она не рассмеялась. Тогда я решил продолжать с поэзией:

– Что говорят вам эти звезды?

Это была и условная поэзия – и вместе с тем вопрос шел к делу.

Она ответила не сразу. И тихо.

– Я не умею рассказать...

– Но говорят? Говорят? – приставал я.

Она опять долго молчала. Я уж начал терять терпение.

– Да, много... – сказала она.

– Вот как! Даже много! Послушайте-ка, что я вам расскажу...

Я ей вкратце рассказал все, что думал о небе еще год тому назад. Я увлекся и уже хотел было прибавить, что теперь мысли мои изменились, – как вдруг с удивлением заметил, что Анна плачет.

– О чем вы? – сказал я неприветливо и подумал про себя, что дело плохо.

– Я... так понимаю вас... – сказала Анна взволнованно. – Вот это именно... я не умею выразить... но я все это понимаю.

У меня сердце упало. Если б я ее любил – я бы, конечно, тут же понял, как я дерзко глуп со своим мальчишеством насчет небес, и слепота прошла бы – ведь она сама собою прошла через несколько месяцев; но я не любил Анну.

Я внутренне поздравил себя, что придумал такой отличный опыт, и встал со скамьи.

– Успокойтесь, Анна Васильевна... Мы еще поговорим... А теперь, я боюсь, нас ищут...

Это было ужасно грубо, но я, увлеченный своими опытами, решил продолжать их немедленно. Я на глазах у Анны стал искать уединения с Верочкой и без особой ловкости увлек ее на ту же скамью.

– Ну, что вы хотели мне сказать? – торопила она. – Скорее, ведь все видели, как мы сюда шли.

– Пускай видят.

– Хорошо, но что такое?

– Этого не скажешь в двух словах, – неожиданно обиделся я.

Она улыбнулась, села рядом и проговорила чинно:

– Все равно, хоть в десяти.

Звездные узоры переливались перед моими глазами, хотя я их и отводил. И к моему удивлению, я не знал, как начать разговор. Потом решил, без дальних исканий, начать его совершенно так же, как с Анной, и спросил:

– Что говорят вам эти звезды? Верочка расхохоталась.

– Так это-то было ваше важное дело? О, поэты, поэты!

– Не смейтесь, Вера Сергеевна. Подождите. Послушайте, что я вам расскажу.

И рассказал ей то же, что Анне, только еще короче. Верочка опять усмехнулась.

– Ну, что же вы скажете? – спросил я.

– Что скажу? Ничего. Я не люблю притворяться, Иван Иванович. Мне лень. Пожалуй, можно бы выдумать какие-нибудь поэтические слова для этой вашей поэтической... или астрономической истории, но, ей-Богу, мне лень. Мне все равно. Ну звезды и звезды. Интересно, конечно... Но мне все равно.

Если бы я ее любил – то я бы опять догадался о своей слепоте, о том, что она – из породы существ, которые не смотрят вверх, и потому для меня не подходит, как и я для нее; если бы я ее любил – я бы встал и ушел от нее; но я ее не любил. Несмотря на это, мне все-таки не хотелось делать предложения; однако стыд перед собой – разве я не решил? что за пустяки? – заставил меня торопливо, давясь, проговорить:

– Вера Сергеевна, угодно вам быть моей женой? Она, кажется, удивилась:

– Это не поэтическая вольность? – спросила она. Но я не расположен был к веселью и легким шуткам.

– Угодно вам быть моей женой? – повторил я. Она промолчала.

– Если вы серьезно, то... то я подумаю. Или нет, впрочем, все равно: я согласна. Все равно.

Я почтительно поцеловал ее руку, и мы возвратились к обществу.

Верочка, действительно, не любила лгать. Она очень искренно сказала это свое: «Все равно». Родителей у нее не было, какой-то опекун заведовал ее состоянием. Замуж ей выйти, чтобы приобрести самостоятельность, было нужно, а за другого или за меня – все равно. Я ей меньше нравился, чем Козицкий, например (она сама мне это все объясняла с детским простодушием), но Козицкий, пожалуй, запер бы ее, заставлял бы ее быть верной, – он сам ее любил. А я... Верочка отлично видела, что я ее не люблю, и удивленно говорила после свадьбы: «Знаешь, я не понимаю, зачем ты на мне женился?» Я конфузился и угрюмо молчал: я и сам этого уже не понимал больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.